Статья поступила в редакцию: 10.10.2026
Статья принята к публикации: 15.10.2026
Статья опубликована: 21.10.2026

УДК 811.161.1'366.58:398.9

DOI: 10.32743/UniPhil.2026.148.10.23563

Грамматика ценностей: несовершенный вид в русских пословицах

Рузиева Зилола Мустафаевна
д-р филос. по филол. наукам (PhD) доц.
Навоийский государственный университет
Республика Узбекистан, г. Навои
ORCID: 0009-0001-3568-5340
E-mail: zi101ruzieva@gmail.com

The grammar of values: imperfective aspect in Russian proverbs

Ruziyeva Zilola Mustafayevna
doctor of Philosophy (PhD)
in Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature
Navoi State University
Uzbekistan, Navoi

Аннотация

Цель данного исследования заключается в том, чтобы детально выявить, какие именно грамматические и семантические значения глаголов несовершенного вида (НСВ) позволяют русской паремии эффективно превращать единичную, частную житейскую ситуацию в универсальную, устойчивую нравственную норму.

Материал и методы. В работе анализируется репрезентативная выборка из 39 паремий, которые относятся к пяти фундаментальным ценностным полям (труд, добро и зло, правда, дружба и общность, мудрость и учение) и извлечены из авторитетных классических сборников В.И. Даля и В.П. Аникина. Методологическую базу исследования составили комплексный аспектологический и функционально-семантический анализ, подстановочный трансформационный тест, а также глубокая лингвоаксиологическая интерпретация.

Результаты. Автором выделены четыре продуктивные модели видового оформления ценностного высказывания: гномическое настоящее время, неограниченно-кратное значение, процессно-нормативная модель, включающая императив и инфинитив, а также модель «процесс – результат». В последней модели НСВ задаёт фоновую поведенческую норму, тогда как совершенный вид фиксирует неизбежное следствие.

Библиографическое описание: Рузиева З.М. Грамматика ценностей: несовершенный вид в русских пословицах // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2026. 10(148). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23563

Выводы. Сделан вывод о том, что НСВ придаёт паремии вневременной нормативный статус, однако итоговый ценностный смысл возникает в результате тесного взаимодействия видов, лексики и синтаксиса. Результаты применимы в паремиологии, лингвокультурологии и преподавании русского языка как иностранного.

Abstract

Abstract. The purpose of this study is to identify in detail which specific grammatical and semantic meanings of imperfective verbs enable Russian paremias to effectively transform a single, private everyday situation into a universal, stable moral norm.

Material and methods. The paper analyzes a representative sample of 39 paremias belonging to five fundamental value domains (labor, good and evil, truth, friendship and community, wisdom and learning) extracted from the authoritative classical collections by V.I. Dal and V.P. Anikin. The methodological framework of the research includes a comprehensive aspectological and functional-semantic analysis, a substitutional transformational test, as well as an in-depth linguo-axiological interpretation.

Results. The author identifies four productive models of aspectual framing for value statements: the gnomic present tense, the unlimited-multiple meaning, the process-normative model (including the imperative and infinitive), and the «process – result» model. In the latter model, the imperfective verb establishes a background behavioral norm, while the perfective verb records an inevitable consequence.

Conclusions. It is concluded that while the imperfective aspect endows the paremia with a timeless normative status, the ultimate axiological meaning emerges from the close interaction of verbal aspects, vocabulary, and syntax. The findings are applicable in paremiology, linguoculturology, and the teaching of Russian as a foreign language.

Ключевые слова: несовершенный вид, аспектология, паремия, гномическое настоящее, аксиология, ценности, лингвокультурология.

Keywords: imperfective aspect, aspectology, proverb, gnomic present, axiology, values, linguoculturology.

Введение

Пословица – один из наиболее устойчивых способов хранения и передачи коллективного опыта. Короткое, замкнутое и воспроизводимое высказывание фиксирует не отдельное событие, а типовую ситуацию и связанную с ней оценку (Пермяков, 1970; Мокиенко, Никитина, 2022). Именно поэтому паремии давно рассматриваются как источник сведений о ценностных ориентирах народа: в них закреплено, что считается должным, допустимым и недопустимым (Телия, 1996; Маслова, 2001). Зарубежная паремиология подчёркивает ту же особенность: пословица подаётся как общеизвестная истина, которая не нуждается в доказательстве и применима к множеству ситуаций (Dundes, 1975; Mieder, 2004).

Ценностная проблематика паремий изучается преимущественно на лексическом уровне. Исследователи описывают ключевые слова-концепты (Степанов, 2004; Wierzbicka, 1997), выстраивают иерархию ценностей в пословичном фонде одного или нескольких языков

(Нелюбова и др., 2019), определяют аксиологические доминанты славянских паремий (Мокиенко, Никитина, 2022) и систематизируют современные подходы к анализу пословиц (Бредис и др., 2020). Между тем нравственная норма в пословице выражается не только словами «труд», «добро» или «правда», но и грамматической формой, в которую облечено высказывание.

Возможность такого взгляда обоснована тезисом о том, что обязательные грамматические значения участвуют в языковой концептуализации мира (Булыгина, Шмелев, 1997). Одной из самых значимых для русского языка является категория вида. Её природа, функционально-семантическое поле аспектуальности и типология видовых значений подробно описаны в работах В.В. Виноградова (2001), Ю.С. Маслова (1984), А.В. Бондарко (1987), Е.В. Падучевой (1996), М.Ю. Чертковой (1996), А.А. Зализняк и А.Д. Шмелева (2000), Е.В. Петрухиной (2000). В общелингвистической перспективе несовершенный вид трактуется как категория, объединяющая длительные и хабитуальные (повторяющиеся) значения (Comrie, 1976). Однако видовая семантика пословиц, насколько нам известно, редко становилась самостоятельным предметом исследования с позиций аксиологии: аспектологические и лингвокультурологические описания остаются в значительной мере параллельными.

Несовершенный вид в русском языке является немаркированным (слабым) членом видовой оппозиции: он не указывает на достижение предела действия и поэтому способен выражать процесс, повторяемость, постоянное свойство и обобщённый факт в зависимости от контекста (Маслов, 1984; Бондарко, 1987; Зализняк, Шмелев, 2000). Именно эта семантическая гибкость делает НСВ потенциально пригодным для создания высказываний, не привязанных к моменту речи. Совершенный вид, напротив, связан с целостным, ограниченным пределом действием и, как принято считать, менее характерен для обобщающих суждений. Такое допущение требует проверки: в пословичном материале СВ встречается достаточно часто, а значит, роль НСВ нельзя считать единственной.

Научная проблема состоит в недостаточной изученности того, как именно видовые значения участвуют в формировании ценностного смысла пословицы. Гипотеза исследования: НСВ является основным, но не единственным грамматическим средством придания пословице нормативного статуса; ценностный смысл формируется во взаимодействии несовершенного и совершенного видов, при котором НСВ задаёт норму поведения (процесс), а СВ – её закономерное следствие (результат). *Цель* статьи – описать аспектуальные модели репрезентации ценностей в русских пословицах. Для её достижения решаются следующие *задачи*: 1) сформировать выборку паремий пяти ценностных полей; 2) определить видовые значения глаголов и сгруппировать пословицы по моделям; 3) проверить выделенные модели с помощью подстановочного теста; 4) интерпретировать результаты с учётом роли СВ, лексики и синтаксической рамки.

Материал и методы

Материалом послужила выборка из 39 русских пословиц и поговорок, извлечённая из сборников В.И. Даля (1984) и В.П. Аникина (1988). Критерии отбора: 1) в паремии есть хотя бы одна глагольная форма (финитная, инфинитив или деепричастие); 2) паремия относится к одному из пяти ценностных полей – «труд», «добро / зло», «правда / истина», «дружба /

общность», «мудрость / учение» – по тематике и ключевым словам; 3) паремия узнаваема и употребительна; 4) в выборку намеренно включены контрольные примеры с глаголами СВ, чтобы проверить гипотезу на фоне противоположной видовой формы. Паремии без глагола (например, «*Ученье – свет, а неученье – тьма*») не включались, так как видовая семантика в них не выражена.

Выборка является целенаправленной и иллюстративной, а не репрезентативной по частоте. Поэтому количественные данные, приведённые ниже, используются для описания структуры материала и не претендуют на выводы о частотности видовых форм во всём паремиологическом фонде.

Исследование опирается на функционально-семантический подход к грамматическим категориям (Бондарко, 1987) и типологию видовых значений (Маслов, 1984; Зализняк, Шмелев, 2000). Применялись следующие методы:

– *аспектологический анализ* – определение вида, формы (наклонение, время, лицо, число) и видового значения каждой глагольной формы в паремии;

– *функционально-семантический анализ* – выявление совокупного значения высказывания с учётом синтаксической рамки (обобщённо-личные конструкции, местоименно-соотносительные предложения типа «кто… тот…», отрицание);

– *подстановочный (трансформационный) тест* – замена глагола НСВ видовым коррелятом СВ и оценка того, как меняется значение и жанровый статус высказывания; трансформированные формы являются конструируемыми контрпримерами, а не паремиями;

– *лингвоаксиологический анализ* – отнесение паремии к ценностному полю и описание нормативного смысла, который она выражает (Телия, 1996; Нелюбова и др., 2019);

– *количественный подсчёт* – определение числа паремий в каждой аспектуальной модели и ценностном поле.

Каждая паремия получала одну основную аспектуальную характеристику – по глагольной форме, которая определяет нормативный смысл высказывания. Если в паремии сочетались НСВ и СВ, она относилась к особой модели «процесс → результат». Паремии, содержащие только СВ, рассматривались как контрольная группа.

Результаты

Анализ выборки показал, что НСВ присутствует в 34 из 39 паремий (87,2 %), СВ – в 8 (20,5 %). Выделены четыре аспектуальные модели ценностного высказывания и контрольная группа с СВ. Их распределение по ценностным полям представлено в таблице 1.

Таблица 1. Распределение паремий по ценностным полям и аспектуальным моделям

Ценностное поле	**Гном. наст.**	**Неогр.-кратное**	**Процессно-норм.**	**Процесс → результат**	**Контроль (СВ)**	**Всего**
Труд	2	4	3	0	2	11
Добро / Зло	1	2	1	1	1	6
Правда / Истина	3	0	1	1	1	6
Дружба / Общность	3	0	3	0	0	6
Мудрость / Учение	3	1	4	1	1	10
Всего	**12**	**7**	**12**	**3**	**5**	**39**

Наиболее многочисленны гномическое настоящее (12, 30,8 %) и процессно-нормативная модель (12, 30,8 %); неограниченно-кратное значение представлено 7 паремиями (17,9 %), модель «процесс → результат» – 3 (7,7 %), контрольные примеры с СВ – 5 (12,8 %). Поле «Дружба / Общность» выражено только гномическим настоящим и процессно-нормативной моделью; остальные поля включают паремии с СВ. Эти данные описывают структуру выборки и подлежат проверке на более широком материале.

Гномическое настоящее выводит действие за пределы момента речи и распространяет его на любой момент времени: высказывание истинно всегда, а не только сейчас. Форма НСВ при этом не обозначает ни процесса, ни повторения конкретных актов – она приписывает субъекту или явлению постоянное свойство. Так организованы пословицы, утверждающие устройство мира и человеческих отношений: *«Землю солнце красит, а человека – труд»*; *«Правда в воде не тонет и в огне не горит»*; *«Дерево держится корнями, а человек – друзьями»*; *«Друг познаётся в беде»*.

Ценностная нагрузка этих высказываний создаётся двояко. Во-первых, форма НСВ снимает привязку к ситуации: «красит» относится не к одному случаю, а к природе труда как таковой. Во-вторых, сопоставление «землю – солнце, человека – труд» уравнивает природный и нравственный порядок и делает оценку труда не мнением, а законом мироустройства. В отрицательной форме гномическое настоящее фиксирует неуничтожимость или непреложность: *«Правда в воде не тонет…»*, *«Старый конь борозды не портит»*, *«Своя ноша не тянет»*. Отрицание здесь не сообщает об отсутствии события, а утверждает устойчивое свойство.

К этой же модели относятся пословицы с местоименно-соотносительной структурой: *«Кто за Родину горой стоит, тот и герой»*. Глагол «*стоит*» не называет действие в конкретный момент, а задаёт условие, по которому любой человек оценивается как герой; конструкция «*кто… тот*…» усиливает универсальный характер нормы.

При *неограниченно-кратном значении* НСВ обозначает действие, которое повторяется при наступлении соответствующих условий и не имеет заранее заданного числа повторений. В пословицах эта модель создаёт представление о причинно-следственной закономерности: определённый тип поведения регулярно приводит к определённому результату. Таковы *«Капля камень долбит»*, *«Под лежачий камень вода не течёт»*, *«Кто рано встаёт, тому Бог подаёт»*, *«Доброе слово лечит, а злое калечит»*, *«Глаза боятся, а руки делают»*.

Особенно характерны обобщённо-личные формы 3-го лица множественного числа: *«За добро добром платят»*. Неопределённый субъект представляет норму взаимности как общепринятую практику: благодарность описывается как то, что «делается всегда». Сходно устроена пословица *«Тише едешь – дальше будешь»*: форма 2-го лица ед. ч. адресована любому слушателю, а сочетание двух форм НСВ выражает устойчивую зависимость между способом движения и результатом.

Процессно-нормативная модель: императив и инфинитив. Третья модель связана с императивом и инфинитивом НСВ. Если гномическое настоящее констатирует, как устроен мир, то императив и инфинитив предписывают, как следует действовать. Видовая форма имеет здесь принципиальное значение: НСВ в побуждении обозначает не однократный акт, а образ действий, который адресат должен сохранять постоянно. Отсюда пословицы-

максимы: *«Век живи – век учись»*, *«Не имей сто рублей, а имей сто друзей»*, *«Сам погибай, а товарища выручай»*, *«Хлеб-соль ешь, а правду режь»*, *«Любишь кататься – люби и саночки возить»*.

Для пословиц этого типа характерна параллельная структура, в которой две побудительные формы противопоставлены по ценностному ранжированию («*сам погибай*» – «*товарища выручай*»). Инфинитив НСВ позволяет вовсе отказаться от указания на субъект и превращает высказывание в безличную норму: *«Добро творить – себя веселить»*, *«Учиться никогда не поздно»*, *«Не стыдно не знать, стыдно не учиться»*, *«Гуртом и батьку бить легче»*. В пословице «*Не стыдно не знать, стыдно не учиться*» ценностной доминантой становится не результат (знание), а сам процесс обучения: незнание допустимо, отказ от учения – нет.

Модель «процесс → результат»: взаимодействие видов. Данная модель показывает, что ценностный смысл не сводится к НСВ. В паремиях этой группы НСВ и СВ распределены по частям высказывания: НСВ описывает образ действия (то, что человек делает постоянно), а СВ – его закономерный результат. Так построены *«Кто правдой живёт, тот добро наживёт»* («живёт» – НСВ, «наживёт» – СВ) и *«Не рой другому яму, сам в неё попадёшь»* (запрет в НСВ и результат в СВ). Сходное устройство имеет и *«Что имеем – не храним, потерявши – плачем»*: три глагола НСВ описывают привычное поведение, а деепричастие СВ «потерявши» отмечает рубеж, после которого приходит осознание.

Эта модель позволяет иначе взглянуть на роль СВ в паремиях. Контрольные примеры с СВ – *«Что посеешь, то и пожнёшь»*, *«Без труда не вытащишь и рыбку из пруда»*, *«Терпенье и труд всё перетрут»*, *«Шила в мешке не утаишь»*, *«Семь раз отмерь, один раз отрежь»* – не нарушают обобщающего характера высказывания: формы будущего времени и императива СВ используются как типовая последовательность результативных действий, возможная для любого адресата. СВ в таких пословицах выражает закономерный итог, а не процесс.

Взаимодействие моделей удобно показать на цикле пословиц о труде, расположенных как последовательность шагов.

Шаг 1. Закон. «*Землю солнце красит, а человека – труд*». Гномическое настоящее (НСВ) задаёт исходную ценностную посылку: труд — постоянное свойство человеческого бытия, равное по значению солнцу в природе.

Шаг 2. Механизм. «*Капля камень долбит*». НСВ в неограниченно-кратном значении показывает, как действует эта закономерность: результат достигается через многократное повторение малых усилий. Ценность приписана не результату, а настойчивости.

Шаг 3. Предписание. «*Любишь кататься – люби и саночки возить*»; «*Хочешь есть калачи – не сиди на печи*». Императив и инфинитив НСВ переводят закономерность в норму поведения: человек должен принять процесс как условие желаемого результата.

Шаг 4. Результат и условие. «*Терпенье и труд всё перетрут*»; «*Без труда не вытащишь и рыбку из пруда*». Здесь выступает СВ: глаголы «*перетрут*» и «*не вытащишь*» называют итог, который гарантирован при соблюдении нормы (и недостижим при её нарушении). Результат находится в конце цепочки, а ценностный центр остаётся в процессе.

Микроцикл имеет «аспектуальную драматургию»: от закона (НСВ-настоящее) через механизм (НСВ-кратность) и предписание (НСВ-императив) к итогу (СВ-будущее). НСВ формирует ценностную основу цикла, а СВ завершает её.

Для проверки роли видовой формы была применена замена НСВ на СВ-коррелят. Результаты приведены в таблице 2. Преобразованные варианты являются конструируемыми контрпримерами и не рассматриваются как паремии.

Таблица 2. Подстановочный тест: замена НСВ на СВ

Исходная паремия	Преобразованный вариант	Изменение значения
Землю солнце красит…	*Землю солнце украсит…*	Утрачивается вневременность: высказывание становится прогнозом конкретного события.
Капля камень долбит	*Капля камень продолбит*	Акцент смещается с упорного процесса на результат; исчезает образ длительного усилия.
Не рой другому яму…	*Не вырой другому яму…*	Запрет сменяется предупреждением о случайном исходе; пропадает норма как принцип.
Век живи – век учись	**Век проживи – век выучись*	Обстоятельство «век» несовместимо с СВ: неограниченная длительность кодируется только НСВ.

Тест подтверждает, что НСВ необходим для сохранения вневременного и нормативного статуса высказывания, а СВ меняет функцию пословицы: из закона или нормы она превращается в прогноз или предупреждение.

Обсуждение

Полученные данные подтверждают исходную гипотезу в части, касающейся НСВ, и уточняют её в части, касающейся СВ. Несовершенный вид действительно служит основным грамматическим носителем нормативности в пословицах: он присутствует в 87,2 % единиц выборки, а подстановочный тест показывает, что без него утрачиваются вневременность и предписывающий характер. Тем не менее тезис о том, что НСВ является единственным носителем универсальных ценностей, не подтверждается: в выборке есть паремии, ценностный смысл которых целиком выражен СВ, и модель «процесс → результат», в которой роли видов распределены.

Метафора «когнитивной матрицы», нередко применяемая при описании роли грамматических категорий, может использоваться лишь в ограниченном смысле – как указание на то, что видовая форма задаёт рамку интерпретации высказывания. Строго говоря, НСВ не «создаёт» ценности: он придаёт пословице статус обобщения и нормы, а собственно ценностное содержание формируется лексикой (труд, добро, правда, друг), синтаксической рамкой («*кто… тот…*», параллелизм, противопоставление «а») и образной основой. Видовое значение, таким образом, следует рассматривать как один из трёх взаимодействующих уровней, а не как самостоятельную причину ценностного смысла. Это согласуется с представлением о том, что картина мира выражается на всех уровнях языка (Булыгина, Шмелев, 1997; Караулов, 2010).

Особого комментария требует вопрос об общефактическом значении, которое иногда приписывают НСВ в паремиях. Согласно аспектологической традиции, это значение выражает сам факт совершения действия без указания на процесс или результат и, как правило, связано с единичным событием, чаще всего относящимся к прошлому (Маслов, 1984; Бондарко, 1987; Зализняк, Шмелев, 2000). В гномических высказываниях такая привязка к единичному факту нехарактерна, поэтому в анализируемом материале общефактическое значение не выделено как самостоятельная модель. Паремии, которые могли бы быть к нему отнесены (например, «*Кто за Родину горой стоит, тот и герой*»), точнее описываются как гномическое настоящее.

Модель «процесс → результат» допускает культурологическую интерпретацию. В ней ценность локализована в процессе (образе жизни, способе действия), тогда как результат оценивается как следствие, а не как цель, ради которой оправдан любой способ. Подобное распределение соответствует нормативной установке, согласно которой правильный путь важнее разового достижения. Эту интерпретацию следует считать гипотезой, поскольку она основана на небольшой выборке и нуждается в проверке на корпусном материале.

Таблица 3. Выборка паремий (n = 39) и результаты аспектологического анализа

№	Паремия	Глагольные формы	Модель
Труд (11)			
1	Землю солнце красит, а человека – труд.	красит – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Гномическое наст.
2	Дело мастера боится.	боится – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Гномическое наст.
3	Глаза боятся, а руки делают.	боятся, делают – НСВ, наст. 3 л. мн. ч.	Неогр.-кратное
4	Капля камень долбит.	долбит – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Неогр.-кратное
5	Под лежачий камень вода не течёт.	не течёт – НСВ, наст. 3 л. ед. ч., отриц.	Неогр.-кратное
6	Кто рано встаёт, тому Бог подаёт.	встаёт, подаёт – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Неогр.-кратное
7	Хочешь есть калачи – не сиди на печи.	хочешь – НСВ, 2 л.; не сиди – НСВ, императив, отриц.	Процессно-норматив.
8	Любишь кататься – люби и саночки возить.	любишь – НСВ, 2 л.; люби – НСВ, императив; возить – НСВ, инф.	Процессно-норматив.
9	Без дела жить – только небо коптить.	жить, коптить — НСВ, инфинитивы	Процессно-норматив.
10	Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.	не вытащишь – СВ, буд. 2 л. ед. ч.	Контроль (СВ)
11	Терпенье и труд всё перетрут.	перетрут – СВ, буд. 3 л. мн. ч.	Контроль (СВ)
Добро / Зло (6)			
12	Доброе слово лечит, а злое калечит.	лечит, калечит – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Неогр.-кратное
13	Доброе дело само себя хвалит.	хвалит – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Гномическое наст.
14	За добро добром платят.	платят – НСВ, наст. 3 л. мн. ч. (обобщённо-личная)	Неогр.-кратное
15	Добро творить – себя веселить.	творить, веселить — НСВ, инфинитивы	Процессно-норматив.
16	Не рой другому яму, сам в неё попадёшь.	не рой – НСВ, императив, отриц.; попадёшь — СВ, буд. 2 л.	Процесс → результат
17	Что посеешь, то и пожнёшь.	посеешь, пожнёшь – СВ, буд. 2 л. ед. ч.	Контроль (СВ)

№	Паремия	Глагольные формы	Модель
Правда / Истина (6)			
18	Правда в воде не тонет и в огне не горит.	не тонет, не горит – НСВ, наст. 3 л. ед. ч., отриц.	Гномическое наст.
19	Правда глаза колет.	колет – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Гномическое наст.
20	Не всё то золото, что блестит.	блестит – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Гномическое наст.
21	Хлеб-соль ешь, а правду режь.	ешь, режь – НСВ, императив	Процессно-норматив.
22	Кто правдой живёт, тот добро наживёт.	живёт – НСВ, наст.; наживёт – СВ, буд. 3 л.	Процесс → результат
23	Шила в мешке не утаишь.	не утаишь — СВ, буд. 2 л. ед. ч.	Контроль (СВ)
Дружба / Общность (6)			
24	Дерево держится корнями, а человек – друзьями.	держится – НСВ, наст. 3 л. ед. ч., возвр.	Гномическое наст.
25	Друг познаётся в беде.	познаётся – НСВ, наст. 3 л. ед. ч., возвр. (пассивное значение)	Гномическое наст.
26	Кто за Родину горой стоит, тот и герой.	стоит – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Гномическое наст.
27	Не имей сто рублей, а имей сто друзей.	не имей, имей – НСВ, императив	Процессно-норматив.
28	Сам погибай, а товарища выручай.	погибай, выручай – НСВ, императив	Процессно-норматив.
29	Гуртом и батьку бить легче.	бить – НСВ, инфинитив	Процессно-норматив.
Мудрость / Учение (10)			
30	Век живи – век учись.	живи, учись – НСВ, императив	Процессно-норматив.
31	Учиться никогда не поздно.	учиться – НСВ, инфинитив	Процессно-норматив.
32	Не стыдно не знать, стыдно не учиться.	знать, учиться – НСВ, инфинитивы	Процессно-норматив.
33	Ученье в счастье украшает, а в несчастье утешает.	украшает, утешает – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Гномическое наст.
34	Старый конь борозды не портит.	не портит – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Гномическое наст.
35	Своя ноша не тянет.	не тянет – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Гномическое наст.
36	Тише едешь – дальше будешь.	едешь, будешь – НСВ, 2 л. ед. ч.	Неогр.-кратное
37	Не зная броду, не суйся в воду.	зная – деепр. НСВ; не суйся – НСВ, императив, отриц.	Процессно-норматив.
38	Что имеем – не храним, потерявши – плачем.	имеем, храним, плачем – НСВ; потерявши – деепр. СВ	Процесс → результат
39	Семь раз отмерь, один раз отрежь.	отмерь, отрежь – СВ, императив	Контроль (СВ)

Ограничения исследования связаны с размером и целенаправленным характером выборки, неполным учётом синтаксических и просодических факторов и отсутствием независимой экспертной разметки. Перспективы – корпусная проверка моделей с подсчётом частотности видовых форм; сопоставление с языками, не имеющими славянской категории вида (например, тюркскими), где сходные значения передаются иными средствами; прикладное использование в преподавании русского языка как иностранного: пословицы с НСВ и СВ наглядно показывают видовые значения и вводят учащихся в ценностную картину мира носителей языка.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы

Видовые значения НСВ – гномическое настоящее, неограниченная кратность и процессность в императиве и инфинитиве – обеспечивают пословице вневременной и нормативный характер, отрывая высказывание от конкретного момента речи.

Выделены четыре аспектуальные модели репрезентации ценностей: гномическое настоящее, неограниченно-кратное значение, процессно-нормативная модель и модель «процесс → результат».

Совершенный вид не противоречит обобщающему характеру паремии и выполняет в ней дополняющую функцию, выражая закономерный результат; поэтому ценностный смысл формируется во взаимодействии видов, лексики и синтаксической рамки.

Подстановочный тест подтвердил, что замена НСВ на СВ изменяет функцию высказывания: из закона или нормы оно превращается в прогноз или предупреждение.

Список литературы

1. Аникин, В.П. Русские пословицы и поговорки / сост. В.П. Аникин. – Москва: Художественная литература, 1988. – 431 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Наука, 1988. – 338 с.
3. Теория функциональной грамматики: введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / под ред. А.В. Бондарко. – Ленинград: Наука, 1987. – 348 с.
4. Бредис, М.А. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал / М.А. Бредис, М.С. Димогло, О.В. Ломакина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11, № 2. – С. 265–284.
5. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – Москва: Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
6. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – 4-е изд. – Москва: Русский язык, 2001. – 720 с.
7. Даль, В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. / В.И. Даль. – Москва: Художественная литература, 1984.
8. Зализняк, А.А. Введение в русскую аспектологию / А.А. Зализняк, А.Д. Шмелев. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – 224 с.
9. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – 7-е изд. – Москва: ЛКИ, 2010. – 264 с.
10. Маслов, Ю.С. Очерки по аспектологии / Ю.С. Маслов. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 263 с.
11. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – Москва: Академия, 2001. – 208 с.

12. Мокиенко, В.М. Славянский мир в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурографическая репрезентация / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Санкт. – Петербург: Изд-во СПбГУ, 2022. – 662 с.
13. Нелюбова, Н.Ю. Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков / Н.Ю. Нелюбова, В.И. Хильтбруннер, В.И. Ершов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2019. – Т. 23, № 1. – С. 223–243. – DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243.
14. Падучева, Е.В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива / Е.В. Падучева. – Москва: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
15. Пермяков, Г.Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише) / Г.Л. Пермяков. – Москва: Наука, 1970. – 240 с.
16. Петрухина, Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками / Е.В. Петрухина. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 376 с.
17. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – 3-е изд. – Москва: Академический проект, 2004. – 992 с.
18. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – Москва: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
19. Черткова, М.Ю. Грамматическая категория вида в современном русском языке / М.Ю. Черткова. – Москва: Изд-во МГУ, 1996. – 156 с.
20. Comrie, B. Aspect / B. Comrie. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976. – 142 P.
21. Dundes, A. On the structure of the proverb / A. Dundes // Proverbium. – 1975. – T. 25. – P. 961–973.
22. Mieder, W. Proverbs: a handbook / W. Mieder. – Westport, CT: Greenwood Press. – 2004. – 312 P.
23. Wierzbicka, A. Understanding cultures through their key words / A. Wierzbicka. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 317 P.

References

1. Anikin V.P. (Comp.). (1988). Russkie poslovitsy i pogovorki [Russian proverbs and sayings]. M.: Khudozhestvennaya literatura. 431 P. (In Russ.).
2. Arutyunova N.D. Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]. M.: Nauka. – 1988. – 338 P. (In Russ.).
3. Bondarko A.V. (Ed.). (1987). Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis [Theory of functional grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. L.: Nauka. 348 P. (In Russ.).

4. Bredis M.A., Dimoglo M.S. & Lomakina O.V. Paremii v sovremennoy lingvistike: podkhody k izucheniyu, tekstoobrazuyushchiy i lingvokul'turologicheskiy potentsial [Paremias in modern linguistics: Approaches to study, text-forming and linguocultural potential]. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. Vol. 11. no. 2, P. 265–284. (In Russ.).
5. Bulygina T.V. & Shmelev A.D. Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki) [Linguistic conceptualization of the world (based on Russian grammar)]. M.: Yazyki russkoy kul'tury. – 1997. – 576 P. (In Russ.).
6. Vinogradov V.V. Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (Grammatical doctrine of the word)] (4th ed.). M.: Russkiy yazyk. – 2001. – 720 P. (In Russ.).
7. Dal' V.I. (1984). Poslovitsy russkogo naroda: v 2 t. [Proverbs of the Russian people: in 2 vols.]. M.: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
8. Zaliznyak A.A., Shmelev A.D. Zaliznyak, Anna A., & Shmelev A.D. Vvedenie v russkuyu aspektologiyu [Introduction to Russian aspectology]. M.: Yazyki russkoy kul'tury. – Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 224 P. (In Russ.).
9. Karaulov Yu.N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality] (7th ed.). M.: LKI. – 2010. – 264 P. (In Russ.).
10. Maslov Yu.S. Ocherki po aspektologii [Essays on aspectology]. L.: Izd-vo Leningr. un-ta. – 1984. – 263 P. (In Russ.).
11. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]. M.: Akademiya. – 2001. – 208 P. (In Russ.).
12. Mokienko V.M. & Nikitina T.G. Slavyanskiy mir v paremiologicheskoy interpretatsii: aksiologicheskie dominanty i ikh lingvokul'turograficheskaya reprezentatsiya [The Slavic world in paremiological interpretation: Axiological dominants and their linguoculturographic representation]. SPb.: Izd-vo SPbGU. – 2022. – 662 P. (In Russ.).
13. Nelyubova N.Yu., Khil'tbrunner V.I. & Ershov V.I. Otrazhenie ierarkhii tsennostey v poslovichnom fonde russkogo i frantsuzskogo yazykov [Reflection of the hierarchy of values in the proverb stock of the Russian and French languages]. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika. Vol. 23. – 2019. – DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243. (In Russ.).
14. Paducheva E.V. Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa [Semantic studies: Semantics of tense and aspect in the Russian language; Semantics of narrative]. M.: Yazyki russkoy kul'tury. – 1996. – 464 P. (In Russ.).
15. Permyakov G.L. Ot pogovorki do skazki (Zametki po obshchey teorii klishe) [From a saying to a fairy tale (Notes on the general theory of cliches)]. M.: Nauka. – 1970. – 240 P. (In Russ.).
16. Petrukhina E.V. Aspektual'nye kategorii glagola v russkom yazyke v sopostavlenii s cheshskim, slovatskim, pol'skim i bolgarskim yazykami [Aspectual verbal categories in the Russian language in comparison with Czech, Slovak, Polish, and Bulgarian languages]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta. – 2000. – 376 P. (In Russ.).

17. Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury [Constants: Dictionary of Russian culture] (3rd ed.). M.: Akademicheskiy proekt. – 2004. – 992 P. (In Russ.).
18. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya: semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty [Russian phraseology: Semantic, pragmatic, and linguoculturological aspects]. M.: Yazyki russkoy kul'tury. – 1996. – 288 P. (In Russ.).
19. Chertkova M.Yu. Grammaticheskaya kategoriya vida v sovremennom russkom yazyke [The grammatical category of aspect in the modern Russian language]. M.: Izd-vo MGU. – 1996. – 156 P. (In Russ.).
20. Comrie, B. Aspect. Cambridge: Cambridge University Press. – 1976. – 142 P.
21. Dundes, A. On the structure of the proverb. Proverbium, 25, 961–973. – 1975.
22. Mieder, W. Proverbs: A Handbook. Westport, CT: Greenwood Press. – 2004. – 312 P.
23. Wierzbicka, A. Understanding Cultures through Their Key Words. Oxford: Oxford University Press. – 1997. – 317 P.